

Къ № 128.

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Къ № 128.

Воскресенье, 18-го іюня 1906 года.

Находка.

(Истинное происшествіе).

Надъ захолустнымъ сибирскимъ городкомъ. Пьяногорскомъ, занялось ясное весеннее утро. Вереница легкихъ облачковъ на востокъ уже загорѣлась и кресты надъ голубыми куполами собора засіяли на фонѣ темнаго еще неба. Утреннюю тишину по временамъ только нарушали лѣтливо перекликавшихся собакъ и вливы стукъ колодушекъ, ночныхъ карульных, уже предвѣщавшихъ сладкій отдыхъ.

По Садовой улицѣ на окраинѣ городка медленно двигалась фигура, закутанная въ собачью доху, съ колодушкой въ рукахъ: ночной стражъ Сизыхъ, отколотивъ свое дежурство, возвращался домой, зорко оглядывая широкое полотно дороги, на которомъ подъ живительными лучами весенняго солнца ежедневно вытаскивали различные предметы, выкинутые обывателями за ненадобностью или потерянные зимой. Не обращая вниманія на рваные калоши, протоптанные нима, старая жестянка, обглоданные кости и тому подобную дрянь, Сизыхъ высматривалъ, не обнаружилась ли за день гдѣ-нибудь дохлая кошка или другая падаль. Ему «фартило» въ этомъ отношеніи и онъ почти ежедневно докладывалъ окологородному о сдѣланномъ открытіи, за которымъ днесь прислались пожарные, такъ какъ въ виду военнаго положенія исправникъ строго приказалъ слѣдить за тѣмъ, чтобы на улицахъ не валялась падаль.

Еще строже приказано было слѣдить за безпечурной литературой, такъ какъ съ начала смутнаго времени даже въ сабитахъ Пьяногорскъ ночью иногда разбрасывали и расклеивали прокламаціи. Въ этомъ отношеніи Сизыхъ также фартило и онъ не разъ уже представлялъ по начальству найденныя имъ длинныя полоски бумаги, на которой изираетъ съ суетѣрыми, ужасомъ, подбирая ихъ дрожащими руками, онъ немѣнно приговаривалъ: «опять антихристовы повѣстки нечистая сила принесла!» Несмотря на обыкновенную награду, ему до сихъ поръ не удавалось изловить нечистую силу, которая разбрасывала повѣстки.

Зорко оглядывая пустынную улицу, тротуары, заборы и стѣны домовъ, Сизыхъ повернулъ съ Садовой улицы на Гончарную, направляясь къ участку, чтобы доложить о благополучіи, такъ какъ не попалась ни падаль, ни повѣстки. И вдругъ остановился, какъ испуганный. На буромъ полотнѣ улицы, подъ лучами восходящаго солнца ярко блестя большая жестянка, перевязанная толстой бичевкой. Сизыхъ безразлично къ находкѣ, но, не добив до нея нѣсколькихъ шаговъ, опять остановился.

«Не иначе, какъ бомба!» прошепталъ онъ и руки у него затряслись, а ноги точно одеревѣли.

Еще накануне изъ бесѣды съ городскими и пожарными, въ участкѣ читавшимъ газету «Время», онъ узналъ, что по сей Россіи кромольники бросаютъ бомбы и подъ губернаторовъ, и подъ исправниковъ, и подъ полиціймейстеровъ и даже подъ городовыхъ.

«Сало бытъ, подъ нашего губернатора вѣдал да потеряли по дорожѣ», разсуждал Сизыхъ и, подобравши полны дохи, рысь пустился къ участку, чтобы доложить необычайной находкѣ.

Однако должны мѣня наградить за такую бомбу», думалъ онъ.— «Отвалитъ краснуйку или, можетъ, дадутъ медаль за севеніе погибавшихъ! Находка на рѣдкость, у насъ еще такой оказіи не бывало».

И рыланный надеждой получить медаль красной лентѣ, онъ влетѣлъ въ

двери участка и попалъ въ объятія городского, собиравшагося уходить съ дежурства.

«Куда прешь, колодушка! Покаръ что ли или убивство?»

«Буди скорѣе окологороднаго! Я бомбу нашелъ!»

«Разсказывай! должно быть, дохлую кошку съ просоной за бомбу считаешь! Откуда у насъ этимъ бомбамъ валься?» шутитъ городской.

онъ поднимать свою колодушку и отчаянно асучалъ. Изъ соседней калитки выглянула заспанная и растерпанная женская физиономія.

«Что грохочешь, окаянный! Солнышко выглянуло, ступай себѣ спать!»

«Молчи, старуха, я бомбу караулю!»

«Бомбу? Киску такую бомбу?»

«Эвона лежитъ посреди улицы, противъ самого нашего дома! Ты жѣ въ ножки поклонись, бабушка, что я ее

«Кака тамъ бомба!» проворчала одна изъ гордыхихъ, «просто жестянка отъ конфетъ, прожаренная должно быть въ утюгѣ и дѣло съ концомъ». И онъ рѣшительно подошелъ къ жестянкѣ и хотѣлъ было ткнуть ее ногой, но окологородный успѣлъ удержать его.

«Не тронь ты, баранья голова! Она вѣдь взорветъ можетъ, если вправду бомба!» «Мотри, мотри, думайся!» закричалъ не своимъ голосомъ Сизыхъ и отбѣжалъ въ сторону; полиція тоже шарханулась отъ жестянки. У калитки сосѣдняго дома послышались отчаянные вопли: тамъ столпились всѣ жильцы, тревожно слѣдившіе за дѣйствіями властей.

«Вы покарываете, ребята, чтобы никто близко не подходилъ, а побѣду, доложу исправнику!» испуганно распорядился окологородный и побѣжалъ, съ облегченными сердцемъ, удалаясь отъ опаснаго предмета. Городовые и Сизыхъ также отретировались шаговъ на сорокъ; вокругъ нихъ столпились встревоженные обыватели, къ которымъ чередъ заборы уже успѣла прилетѣть вѣсточка о страшномъ гостѣ. Одинъ мальчишка сунулся было къ жестянкѣ, но городской схватилъ его за шиворотъ и оттащилъ за уши, приговаривая: «Я те покажу, гдѣ бомбы лежатъ!»

Между тѣмъ солнце поднялось уже высоко и городокъ просыпался; вездѣ стучали калитки, гремѣли болты и заборы отпираемыхъ ставенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣсть о находкѣ передавалась изъ устъ въ уста съ прирасками, веселя тревогу въ души мирныхъ обывателей. Говорили, что ночью стѣяли у дома исправника и бросили бомбу къ его ногамъ, когда онъ высочилъ на крыльцо; спасаясь отъ преслѣдованія, кромольники потеряли вторую бомбу, которая дымится и того и гледи взорветъ.

Въ толпѣ, окружавшей городовыхъ и карульного, увеличивавшейся съ каждой минутой, шли оживленные толки.

«Чѣмъ же она набита, эта самая бомба?» спрашивали крестьянныя, хваставшіе съ возомъ дровъ.

«Навѣсто чѣмъ— порокомъ; и фитиль въ нее вставленъ, когда онъ догоритъ до пороха—ее и разорветъ на куски», объяснилъ мастеровой.

«Не такъ, паря; такіе бомбы при царѣ Горохѣ были» замѣтилъ лавочникъ, бывшій горнобарочій. «Теперь въ бомбы кладутъ динамитъ и патроны съ истонками; если ее съ силой бросить, то истонки взрываютъ, а за ними и бомба».

Въ центрѣ толпы протокался часовой мастеръ: освѣдомившись, въ чѣмъ дѣло, онъ побѣжалъ къ бомбѣ, несмотря на тревожные крики городского, осматривать ее и, вернувшись назадъ, торжественно объявить:

«Самая настоящая! Я, господа, недавно ѣздилъ за товаромъ въ Варшаву. А вы, конечно, слышали, что за городъ Варшавы? Тамъ каждый день бомбы бросаютъ! Ну, и я тоже...»

«Бомбы бросаютъ?» грозно прервалъ его городской, протягивая руку къ воротнику часовника.

«Положай тапачи! Если бы и бросилъ, меня бы здѣсь не было. Я только видѣлъ, какъ бросаютъ и разсуждалъ про эти бомбы, какъ ихъ дѣлаютъ. Въ Варшавѣ это всакому извѣстно; тамъ даже ребята въ бомбы играютъ».

И часовникъ началъ объяснять устройство бомбъ, переплетая астину и выдумки, разсказывая даже, что такое адская машина и закончилъ предположеніемъ, что найденная бомба скорѣе всего съ механизмомъ и что ее вскрытъ долженъ опытный специалистъ, иначе бытъ бѣдѣ.

«Долгий народъ, эти кромольники! на всякую ни на есть хитрость пуска-

Томское Губернское избирательное собраніе 30 мая 1906 г.

Выборщики.

Баллотировка членовъ Государственной Думы.

«Да ты поворачивайся живѣе! Вѣрно тебѣ говорю, она на углу Садовой лежитъ. Буди скорѣе, не то унесутъ еще, кто ее потерялъ!»

«А ты видѣлъ, кто потерялъ?»

«Гдѣ увидишь, ночью, надо было, потеряла, а и считай только нашелъ! Я побѣду покарываю, а ты споспѣвай окологороднаго, да поскорѣе».

Сизыхъ такъ-же стремительно помчался назадъ и всю дорогу его мучила мысль: а что если за время его отсутствія бомбу унесли... или она разорвалась? Пропала награда за рѣдкостную находку! Но вѣтъ! жестянка лежала на томъ же мѣстѣ и солнечные лучи весело играли на ея блестящей крышкѣ. Сизыхъ остановился шагахъ въ пяти отъ нея.

«Ну слава те, Господи, гдѣ же еще!» промолвилъ онъ, отдуваясь. «А не стѣнать ли она грѣхомъ, когда солнышко ее разогрѣетъ?»

Эта мысль заставила его отодвинуться шаговъ на двадцать назадъ; неволью

притянулъ во время, не то бы отъ вѣсъ ужо и шепки не осталось».

Баба съ недоумѣніемъ и испугомъ на лицѣ подбѣжала къ Сизыхъ, который указалъ ей на жестянку.

«Ватюшки съѣты, мать пресвятая владычица, спаси насъ!» завопила баба и опрометью кинулась въ калитку будитъ домашнихъ. Сизыхъ опять отчаянно асучалъ колодушкой. Въ это время издали показались фигуры сѣвшихшихъ окологороднаго и двухъ городовыхъ.

«Сюда, сюда!» кричали Сизыхъ, прекративъ стукъ.

Стражи порядка подошли наконецъ къ нему.

«Гдѣ же твоя бомба?» сердито сказалъ окологородный, зная во весь ротъ и вадрагивая на утреннемъ холоду.

Сизыхъ указалъ жестянку, окологородный быстро направился къ ней, но по жѣр приближенія все болѣе замедлялъ шаги и наконецъ остановился; городовые и Сизыхъ слѣдовали за нимъ.

ются, чтобы нашего брата, власть законную, уничтожить! — сокрушено закричал городской. Въ это время послышался переступ колокольчиков и подкатили власти — исправник съ приставами, начальники жёсткой команды, брадмейстер, судебный сдѣлователь и городской голова; вокруг ихъ саней гарцовали конные стражники и пожарные. Власти вышли изъ саней на почтительно растопили отъ жестянки и осторожно приблизились, образовавши широкий полукругъ.

„Дѣйствительно что-то въ родѣ бомбы!“ глубокомысленно заявилъ исправникъ. „Но отчего она не дымится? Потухла что-то? Кто видѣлъ какъ она дымилась?“

„И, г. исправникъ! явственно дымилась, полчаса тому назадъ, когда мы ее нашли“, отпартовалъ околоточный.

„А потомъ потухла... значитъ можно забрать для изслѣдованій. Ну-ка ребята, несите ее въ канцелярию. А вы, г. пристава, составьте протоколъ, къ вамъ найдена, при какихъ обстоятельствахъ и т. д. Ну, забирай бомбу!“

„Но никто не шевельнулся на призывъ исправника.“

„Берите же, черти, говорятъ власти! Чего боитесь, она вѣдь потухла!“

„Дозвольте доложить, вѣшескорodie“, заявилъ городской, тутъ одинъ заойщикъ человекъ есть, мастеръ по этой части, такъ онъ говоритъ, что бомбу трогать опасно, потому не извѣстно, какого она сорта, съ запаломъ или съ машиной, и какъ бы она не взорвалась...“

„Глушится говоритъ твой заойщикъ человекъ!“ оборвалъ его исправникъ и наклонился къ бомбѣ, чтобы осмотрѣть ее внимательно. Въ этотъ моментъ за его спиной раздался сухой трескъ; исправникъ побѣднѣлъ и отскочилъ отъ жестянки.

„Это что, это что такое? кто тутъ стрѣляетъ?“ забормotal онъ.

„Виновать, вѣшескорodie, это я... тоисъ это мой конь стрѣляющій... отъ ржаного хлѣба... мы конямъ закармливаемъ“, отпартовалъ конный стражникъ, прикладывая трясущуюся руку къ козырьку.

Въ толпѣ послышался смѣхъ; персона также предавшись съ улыбкой. Но этотъ инцидентъ охладилъ рвеніе исправника.

„Ну ее къ чорту! быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ пылнѣе, если ее тронуть“, сказалъ онъ, отходя въ сторону. „Но что же намъ дѣлать съ этой бомбой, господа?“

„Закопать тутъ же въ землю!“ сказалъ городской голова.

„Скѣчь, и вса недолга!“ рѣшительно заявилъ брадмейстеръ.

„Разстрѣлять безъ пощады!“ буркнулъ начальникъ инвазійной команды.

„Но тогда мы не узнаемъ, что въ этой бомбѣ и уничтожимъ доказательство на преступленіе! За это насъ начальство не поблагодаритъ“, замѣтилъ судебный сдѣлователь.

„А какъ же закопать ее, не трогая?“ сказалъ инвазійный командиръ.

„И скѣчь тоже затруднительно! Взорветъ и разорветъ головешки по всему городу“, отбѣдилъ городской голова.

„Не остроумнее и разстрѣлять отъ пули нагнѣро взорветъ!“ проворчалъ брадмейстеръ.

„Значитъ, всѣ ваши предложенія не практичны!“ заключилъ исправникъ. „Нѣтъ, очевидно придется просить инструкторъ изъ губерніи!“

„Конечно, всего лучше! Это будутъ осторожнѣе“, подтвердили остальные власти.

„Ну, такъ пойдемъ, господа, сочинимъ телеграмму!“

„А здѣсь назначить караулъ! По обѣ стороны отъ бомбы въ два шага въ разстояніи часовыхъ, чтобы никого близко не пускали; улицу перегородить рогатками, чтобы не ѣздили! Обывателямъ сообщимъ, чтобы вѣнчать крайнюю осторожность!“ распоряжались исправникъ.

Власти укатили; пристава разставилъ городовыхъ, удаливъ пубliku на сто шаговъ отъ бомбы, и отправился въ управу требовать рогатки.

Черезъ полчаса въ губернію полетѣла срочная телеграмма: „На Садовой улицѣ благодаря бдительности полиціи своевременно обнаружена неразорвавшаяся бомба. Въ виду необычности случая прому инструкторъ, какъ поступить съ ней. Преступники дѣятельно разыскиваются; есть подозрѣнія.“

Отправивъ телеграмму, власти рѣшили не расходиться до получения отвѣта и перешли въ квартиру исправника, гдѣ за выпивкой и закуской время прошло незамѣтно. Наконецъ конный стражникъ, дежурившій на телеграфѣ, прискакалъ съ отвѣтомъ.

„Предлагаю вскрыть бомбу съ соблюденіемъ крайней осторожности, результаты телеграфировать, о ходѣ сдѣланныхъ сообщать немедленно“, прочиталъ исправникъ и на лицѣ его выразилось крайнее недовольство.

„Это мы и безъ нихъ знаемъ!“ воскликнулъ онъ. „А кто же вскрывать будетъ? Я, что-ли?“

„Ужъ конечно вамъ придется, какъ старшему представителю министерства внутреннихъ дѣлъ“, сказалъ командиръ. „Нѣтъ ужъ, покойный слуга! Давать пять лѣтъ служу, до пенсіи недалеко, не видать никогда этихъ проклятыхъ бомбъ, а тутъ на те! Вѣдь у меня жена, дѣти!“

„Если вы погибнете при вскрытій, такъ сказать принесете себя въ жертву на алтарь отечества, то семьдесятъ усиленную пенсію и вамъ обѣя ея судьбѣ безпокоиться нечего!“ не безъ ехидства замѣтилъ брадмейстеръ.

„А неугодно ли вамъ самимъ повзрывать! Вѣдь, собственно говоря, это больше насъ касается. Что такое бомба? Снарядъ, производящій огонь, дымъ, вредные газы и прочее! значитъ — по пожарной части!“

„Ну ужъ вы очень далеко хватаете!“ отпарировалъ брадмейстеръ. „По пожарной части! Никогда я не имѣлъ дѣла съ разрывными снарядами. Вотъ, если отъ взрыва при вскрытій произойдетъ пожаръ, тогда я къ вамъхъ услугу дамъ! Могу даже приготовить заблаговременно пожарную команду воать того дома, гдѣ вы будете вскрывать...“ съ соблюденіемъ крайней осторожности, какъ телеграфировать губернское начальство! Ха, ха, ха!“

„Не возмется ли докторъ за вскрытіе?“ предложилъ голова. „Онъ вѣдь изучалъ вскую химию и физику въ своемъ университетѣ.“

Эта мысль понравилась и исправникъ, экстренно вытребовалъ городского врача. За выпивкой и за закуской рассказали ему въ чемъ дѣло.

„Дѣло не выгоритъ“, заявилъ врачъ. „Вскрывать бомбы совсѣмъ не по моей части и я не обязанъ! Трупу всаея рѣшилъ — сколько угодно. Но бомбы! Вотъ, если при вскрытій кого-нибудь изъ насъ разорветъ или изрулитъ — тогда мое дѣло починить или расшотривать, смотрю по обстоятельствамъ.“

„Но что же намъ дѣлать?“ удрученно сказалъ исправникъ. „Изъ губерніи требуютъ непременно вскрытія и протокола!“

„Изъ губерніи требуютъ! Ну такъ пусть пришлютъ специалиста! Телеграфирите, что у насъ некому вскрывать“, надушился, врачъ.

„Правильно, докторъ!“ облегченно воскликнулъ всѣ. „Имъ нужно — пусть прислажутъ.“

Сочинили и послали вторую срочную телеграмму. Въ оклидній отвѣта успѣли поступить на зеленомъ полѣ. Насмотрѣно было приподнятое, благодаря встревоженному состоянію нервовъ, и игра пошла крушая.

А тамъ, на углу Садовой и Гончарной улицъ, гдѣ на навозѣ, разомежьемъ подлѣ думки полуоднаго солнца, дедала виновница всахъ этихъ тревоженій, постоянно толпились кучки, горожанъ и велись оживленные разговоры; одни приходили, другіе уходили и все население Пыльогорска успѣло удовлетворить свое любопытство. На базарѣ, въ лавкахъ, во всахъ домахъ, судили и рѣдили о происшествіи, всколыхнувшее жизнь сон-

наго городка. Городовые на постахъ сначала охоту сообщали вновь пришедшимъ всю исторію съ присказками, но наконецъ устали и начали отгонять публику. Власти забыли распорядиться смѣной караула — онъ все еще совпадалъ.

Жилы ближайшихъ домовъ проявляли, конечно, наибольшій интересъ къ происшествію и къ намѣреніямъ властей; но когда проходила часть за часомъ, а страшная гостя продолжала лежать на улицѣ, почти всѣ затворили ставни, заперли ворота и ушли къ знакомымъ; болѣе осторожные унесли съ собой и самое цѣнное имущество. Оживленіе во всемъ городкѣ, группы бесѣдующихъ на всахъ улицахъ представляли рѣзкій контрастъ съ тишиной и запертыми домами обшечнаго, словно замкнутого участка.

Солнце склонилось уже къ закату, когда пришла наконецъ телеграмма изъ губерніи, которая, очевидно, запрашивала столицу.

„По случаю распутины командировка специалиста невозможна. Если некому вскрыть, разрушается уничтожить на мѣстѣ...“

И только. Власти опять были не довольны.

„Легко сказать уничтожить! А какъ это сдѣлать безъ вреда для себя?“ ворчалъ исправникъ.

„Я придумаю!“ сказалъ брадмейстеръ. „И воли будутъ сыты, и овцы цѣлы! Устроимъ костеръ изъ соломы, жару будетъ достаточно, а если взорветъ, то горящая солома на лету потухнетъ и, во всякомъ случаѣ, далеко не улетитъ и вѣтъ не подлетаетъ. Пожарныхъ все такъ приготовимъ.“

На томъ и порѣшили. По всахъ направились поскакали стражники съ распоряженіями, разнося, кстати, по городу вѣсть о необычайномъ ауто да фе. Власти подѣлились еще передъ походомъ и всѣмъ компаніей отправились къ залопочному перекрестку.

Вскоръ изъ городской управы прибылъ большой возъ соломы, изъ участковъ всѣхъ городовыхъ и изъ казармы вса инвазійная команда подъ ружьемъ.

Всѣ три улицы на разстояніи 500 шаговъ отъ бомбы перегородили рогатками, чтобы остановить публику, бѣжавшую со всахъ сторонъ на зрѣлище; рогатки охранялись городовыми и солдатами, а впереди нихъ расположилась тремя рядами пожарная команда въ полной готовности. Изъ всахъ домовъ внутри огражденія жителей удалили и въ каждомъ дворѣ поставили стражу, чтобы на бѣдѣ изъ возникновеніемъ пожара. Солому пожарили осторожно сложили на жестянку. Власти наблюдали за приготовленіемъ на достаточномъ разстояніи отъ бомбы. Отдали приказъ подыграть, они удалились подъ защиту дома.

Взвѣсавъ огонь, понавалъ густой дымъ — и всѣмъ городъ огласился криками толпы; болѣе осторожные отретировались подальше. Огонь разгорался все сильнѣе, наконецъ запылала вся куча; легкій вѣтерокъ крутилъ почернѣвшие столбы въ воздухѣ, разнося ихъ по окрестности. Всѣ замолкли, ожидая взрыва съ минуты на минуту; только пофыркиваніе лошадей и повизгиваніе колокольчиковъ нарушали торжественную тишину.

Но вотъ огонь догорѣлъ, куча ослѣла и почернѣла, а взрыва все еще не было. Толпа зрителей заволаговалась разоаровавшая, посыпавшись смѣхомъ. Власти рѣшились выйти изъ воротъ, но выжидали еще немного, пока не исчезли послѣдніе огоньки, и тогда только медленно направились къ кучѣ. Сгорѣла или нѣтъ? Этотъ вопросъ волновалъ всахъ, но никто не рѣшился сдѣлать распоряженіе, чтобы кучу разгребли. А вдругъ выпалитъ въ послѣднюю минуту!

Подождали еще. Караулъ уже съ трудомъ сдерживалъ толпу, порывавшуюся къ пожару. Тутъ брадмейстеру пришла счастливая мысль и онъ гаркнулъ: „Залить огонь изъ машины!“

Митюга подѣлала пожарная машина и бочка съ водой; брадмейстеръ собственноручно направилъ струю воды на черную кучу; сначала повалилъ густой дымъ затѣвъ струю разорвала сгорѣвшую солому и перелѣ тысячами гдазъ

предстала почернѣвшая, но неведимая жестянка!

„Не сгорѣла, цѣла!“ передавалось изъ устъ въ уста.

Кое-гдѣ закричали даже ура — совсѣмъ не крсти.

„Что за дѣловъ, и огонь ее не беретъ!“ растерянно сказалъ брадмейстеръ, сконфуженный неудачей.

„Вѣроятно, жару было мало! душе бы дронами“, доводило замѣтилъ исправникъ. „Начнемъ что ли снова?“

„А если она внутри выгорѣла или испортилась и сдѣлалась безвредной? Значитъ же продолжать эту комедію, нужно сперва освидѣтельствовать“, сказалъ докторъ и храбро заправился къ жестянкѣ.

„Подождите, не трогайте! Кто ее знаетъ, вѣдь она можетъ взорвать“, останавливалъ его командиръ. „Я придумаю способъ убѣдиться въ ея состояніи. Дамъ ли по ней пальца, если не взорветъ — значитъ безвредна.“

Послѣ нѣкотораго колебанія планъ былъ одобренъ. Пожарныхъ удалили назадъ, ихъ мѣсто занялъ полководъ солдатъ. Зарядили ружья боевыми патронами.

„Принѣлъ 400 шаговъ. Цѣлся!“ скомадовалъ командиръ.

Солдаты прицѣлились. Всѣ замерли въ ожиданіи.

„Пан!“ нѣсколько дрогнувшимъ голозомъ крикнулъ исправникъ.

Груду залѣ. Жестянка подпрыгнула, но не разорвалась, слѣдѣла только крышка.

Теперь никакія усилія караула не могли уже удержать зрителей, которые прорвали загражденія и кинулись съ трехъ сторонъ къ бомбѣ, очевидно безвредной. Улекаяемая толпой побѣжали и власти.

Въ раскритой бомбѣ, изрѣченной пулями, видѣлась куча полустѣлѣвшей и почернѣвшей бумаги!

Командиръ, все еще съ предосторожностями, вытаскивалъ оборванный листокъ, и прочиталъ громко:

„Граждане избиратели! Приближился часъ рѣшенія отечества отъ ре...“

„Тфу ты, будь они прокляты!“ вырвалось у исправника. „Сколько хлопотъ намъ надѣлалъ!“

„Всѣмъ городѣмъ вѣбдорали изъ-за жестянки съ бумагой!“

„Въ губернію телеграфировали напрасно!“

„Хорошо еще, что специалиста не наслало сюда. Вотъ бы скандалъ вышелъ!“

„Интересно бы знать, какой охотъ потерѣлъ эти воззванія!“ сказалъ исправникъ.

„Сегодня ночью прѣзжалъ изъ губерніи въ Б. профессоръ Тихомировъ, устраивать предвыборная собранія. Онъ, очевидно, выронилъ жестянку изъ кофевы“, отпартовалъ околоточный, наводившій уже справки на почтовой станціи.

Въ это время черезъ толпу протискался къ властямъ ночной стражъ Сизыхъ, о которомъ всѣ давно забыли.

„Виновать, вѣшескорodie, дозволить спѣшить насчетъ награды за находку; мнѣ околоточный обѣ...“

„А это ты, мерзавецъ, заварилъ намъ эту кашу!“ прервалъ его исправникъ.

„Бомбу нашелъ! Ты не могъ развѣ разгдѣлѣть, что это за бомба, прежде чѣмъ начальство тревожитъ!“

„Значитъ награды не будетъ?“ дручно сказалъ Сизыхъ.

„Бери себѣ эту бомбу въ награду совсѣмъ съ бумагой!“ състрѣилъ брадмейстеръ.

„И убрался, пока въ шенъ не клядѣ!“ прибавилъ исправникъ.

„Вотъ те и находка!“ пробормоталъ Сизыхъ, подбирая жестянку. „А я располагалъ угождать начальству!“

Ш. Ерѣ.

И. Маленский.
Ректоръ-издатель:
М. Соболевъ.